

недѣли, отдѣлявшія его отъ предстоявшаго блаженства, казались ему длинными и безконечными. И какъ долго тянется эта ночь!

Онъ быстро подошелъ къ окну и нетерпѣливо распахнулъ его. Темныя узорчатыя вѣтви деревь съ таинственнымъ шопотомъ заглянули въ его комнату; сквозь нихъ искрились звѣзды. Ночь была безмолвно-торжественна; даже собаки не лаяли. Все село спало мертвымъ сномъ. Володя высунулъ голову и оглянулся по сторонамъ. Узкая полоса свѣта лежала влѣво отъ него, на дорожкѣ сада. „Это у дяди“, подумалъ Володя, и ему захотѣлось пойти посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ. Тихо уперся онъ руками въ подоконникъ и прыгнулъ въ садъ. Пахучая влажность ночи охватила его. На травѣ, на деревьяхъ лежала роса; весь садикъ былъ наполненъ ея серебристой пылью. И тутъ торжественное молчаніе ночи показалось Володѣ еще болѣе торжественнымъ. Стараясь ступать какъ можно тише, Володя подошелъ къ окну дядиной комнаты и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Тутъ ему все было хорошо видно. Лампа, подъ матовымъ абажуромъ, ярко освѣщала комнату и отбрасывала большой конусъ свѣта въ садъ. Дядя лежалъ на диванѣ и читалъ книгу; шуршаніе листовъ явственно доносилось до Володи. Володя узналъ эту книгу въ красномъ переплетѣ,—это былъ Шекспиръ. Лицо Діодора было спокойно и внимательно. Изрѣдка онъ останавливался на нѣкоторыхъ мѣстахъ и вполголоса ихъ повторялъ, дѣлая легкіе жесты свободною рукою. „Актеры!“—подумалъ Володя, и вдругъ его кольнуло какое-то непріятное чувство. Эта безмятежная тишина, окружавшая его, это привѣтливое сіяніе безчисленныхъ звѣздъ, наконецъ эта мирная картина—подѣйствовали умиротворяющимъ образомъ на его взбаламученную житейскими рассчетами душу. Все это такъ далеко стояло отъ него, всецѣло поглощенного своею личною жизнью; все это тоже жило, трепетало, дышало, а онъ никогда не думалъ объ этомъ. Ему всегда было только до себя, а остальное его не интересовало. И Володя съ какою-то жадною внимательностью оглядѣлся вокругъ себя, взглянулъ на трепещущія росистыя деревья, на звѣзды, ласково мерцающія въ вышинѣ, и опять перевелъ глаза на красивое, спокойное лицо Діодора. Въ эту минуту дядя опустилъ книгу на столъ и задумался. О чемъ онъ думаетъ? Носятся ли предъ нимъ величавые шекспировскіе образы, или тишина ночи навѣяла на него тоже грустное раздумье о собственной жизни?

Тутъ Володѣ снова стало неловко и непріятно. Ему во всѣхъ деталяхъ вспомнился сегодняшній разговоръ съ отцомъ, по поводу дяди. Подозрѣваетъ ли Діодоръ, что тутъ, рядомъ съ нимъ, за